
ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ

УДК: 82–4

Хлебников Г.В.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА О «РЕВОЛЮЦИИ» 1917 ГОДА: ИЗ «ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ»¹

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, gwvoloshin@gmail.com*

Аннотация. На материалах дневниковых записей М. Цветаевой автор рассматривает методы работы реквизиционных отрядов «революционеров» в 1917 г., показывая, что фактически это были грабежи у населения не только продуктов питания, но и ценностей, прежде всего золота. Фиксируются психология лиц, осуществлявших акции, их национальность, социальное происхождение, формирование ценностных установок, характеров.

Ключевые слова: М.И. Цветаева; переворот 1917 г.; дневники; реквизиционные отряды; большевики; коммунисты.

Поступила: 07.02.2018

Принята к печати: 01.03.2018

Khlebnikov G.V.

Marina Tsvetaeva about the «revolution» of 1917: From «The diary prose»

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, gwvoloshin@gmail.com*

Abstract. On the basis of M. Tsvetaeva's diaries, the author considers the methods used by the requisitioning detachments of the «revolutionaries» in 1917. The author argues that those were actually acts of looting from the population, when both food products and valuables, primarily gold, were confiscated. The paper looks into the psy-

¹ © Г.В. Хлебников, 2018

chology of the people who carried out those acts, considers their nationality, social origin, formation of values, and characters.

Keywords: M.I. Tsvetaeva; the coup of 1917; diaries; requisitioning detachments; Bolsheviks; Communists.

Received: 07.02.2018

Accepted: 01.03.2018

Дневники М.И. Цветаевой, на долгие годы похороненные в самых закрытых тайниках спецхранов, интересны не только фактичностью, точностью, яркостью и живостью непосредственных наблюдений, тем, что они взяты из «гущи событий» очевидцем происходящего, – что и само по себе бесценно. Но и тем, как тонко ей удается передать атмосферу общественного сознания тех лет, показать, какими настроениями, слухами, ожиданиями жили самые различные группы населения: одни – делавшие переворот и участвовавшие в нем, другие – претерпевающие его на собственной коже и безмерно страдавшие от «социального эксперимента», третьи – преследовавшие в «революции» и свои корыстные цели. Почему-то о последних предпочитали долгое время не говорить, умалчивать о них, словно таких никогда не было и быть не могло. Были, да еще какие! И сколько! Воспоминания современников, и Марины Цветаевой в том числе, не только показывают кто и чем они были, какие интересы преследовали, но и что, – можно предположить, – вообще в каждом «революционере-большевике» был подобный частный интерес, своя маленькая подленькая цель, которую он, может быть, и сам себе открыто и прямо не высказывал, не признавался в ней, и тем не менее имел ее, наслаждаясь и гордясь этим реальным и материальным преимуществом перед другими, не имевшими подобных «радостей»: кто повышенным пайком, кто, как главари переворота, севрюжкой и икоркой среди всеобщего голода и смертей детей, кто – служебной машиной с шофером, кто – безнаказанностью своеволия, а кто – ко всему этому, еще и «реквизированным» золотом и т.п.

Может быть, кто-то сочтет эти дневники чрезмерно эмоциональными. Другой, возможно, заметит, что это «женская реакция» на реалии жизни. Третий скажет: слишком натуралистично, не всем следует знать, лучше – в спецхран и т.д. Да, эмоциональная, да, женская, – и от этого еще более трагическая и правдивая. Да, натуралистично, как сама жизнь, из нее и взято М.И. Цветаевой.

Вот в нескольких предложениях описание поездки в поезде: просто и страшно, когда счет уже идет не на слезинки ребенка, а на десятки тысяч жизней живых людей, хитрой и коварной ложью, массовыми расстрелами разделенных и противопоставленных друг другу в искусственно раздуваемой и губительной для всех гражданской войне, в которой все участники в конце концов и погибли.

ОКТЯБРЬ В ВАГОНЕ (Записи тех дней)

Двое с половиной суток ни куска, ни глотка. (Горло сжато.) Солдаты приносят газеты – на розовой бумаге. Кремль и все памятники взорваны. 56-ой полк. Взорваны здания с юнкерами и офицерами, отказавшимися сдатьсь. 16 000 убитых. На следующей станции – уже 25 000. Молчу. Курю. Спутники, один за другим, садятся в обратные поезда... [Цветаева – эл. ресурс, с. 1]

ПИСЬМО В ТЕТРАДКУ

Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться – слушайте: вчера, подъезжая к Харькову, прочла «Южный Край». 9000 убитых. Я не могу Вам рассказать этой ночи, потому что она не кончилась. Сейчас серое утро. Я в коридоре. Поймите! Я еду и пишу Вам и не знаю сейчас, – но тут следуют слова, которых я не могу написать.

...Известия неопределенны, не знаю, чему верить. Читаю про Кремль, Тверскую, Арбат, «Метрополь», Вознесенскую площадь, про горы трупов.

Трое суток – ни с кем ни звука. Только с солдатами, купить газет. (Страшные розовые листки, зловещие. Театральные афиши смерти. Нет, Москва окрасила! Говорят, нет бумаги. Была, да вся вышла. Кому – так, кому – знак.) [там же].

Вот запись М. Цветаевой суждений о происходящем случайного попутчика, простого «мастерового», который не только понимает смысл и суть происходящего, движущие силы («все эти отребья красные»), но и высказывает метафизические предполо-

жения о сверхъестественной, духовной сущности всего феномена «новой жизни» как «сомущения Антихристового» (и тем как бы перекликаясь с провидением Ф.М. Достоевского, видением М. Волошина и многих других).

Кто-то, наконец: «Да что с вами, барышня? Вы за всю дорогу куска хлеба не съели, с самой Лозовой с вами еду. Все смотрю и думаю: когда же наша барышня кушать начнут? Думаю, за хлебом, нет – опять в книжку писать. Вы что ж, к экзамену какому?» Я, смутно: «Да». Говорящий – мастеровой, черный, глаза, как угли, чернобородый, что-то от ласкового Пугачева. Жутковат и приятен. Беседуем. Жалуется на сыновей: «Новой жизнью заболели, коростой этой. Вы, барышня, человек молодой, пожалуй и осудите, а по мне – вот всё эти отребья красные да свободы похабные – не что иное будет, как сомущение Антихристово. Князь он и власть великую имеет, только ждал до поры до часу, силу копил. Приедешь в деревню, – жизнь-то серая, баба-то сивая. «Черт, шут»... Гляди, кочерыжками закидает. А какой он тебе шут, когда он князь рожденный, свет сотворенный. На него не с кочерыжками надо, а с легионами ангельскими»... [Цветаева – эл. ресурс, с. 1–2].

А это картина-описание встречи с провидцем-поэтом Максимом Волошиным, видящим все развитие «революции» в ее главном, сути: кровь, кровь и кровь. Русских, России, народа, государства, нации.

КУСОЧЕК КРЫМА

Приезд в бешеную снеговую бурю в Коктебель. Седое море. Огромная, почти физически жгущая радость Макса Волошина при виде живого Сережи. Огромные белые хлеба. Видение Макса Волошина на приступочке башины, с Тэном на коленях, жарящего лук. И пока лук жарится, чтение вслух, Сереже и мне завтрашних и послезавтрашних судеб России. – А теперь, Сережа, будет то-то... Запомни. И вкрадчиво, почти радуясь, как добрый колдун детям, картинку за картинкой – всю русскую Революцию на пять лет вперед: террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея,

озверение, потеря лица, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь... [Цветаева – эл. ресурс, с. 3–4].

Зарисовка матроса-попутчика, сознание которого – мешанина выдержек из «революционных» газет и пропагандистских выступлений, но имеющего «свое», конечно, единственно верное и поучающе высокомерное понимание происходящего.

Внезапно вяжется, верней – взрывается – матрос: «И все это вы, товарищи, неверно рассуждаете, бессознательный элемент. Эти-то образованные, да дворяне, да юнкеря проклятые всю Москву кровью залили! Кровососы! Сволочь!» (Ко мне:) «А вам, товарищ, совет: поменьше о Христах да дачах в Крыму вспоминать. Это время прошло».

<...>

Об этом матросе. Непрерывная матерщина. Другие (большевик!) молчат. Я, наконец, кротко: «Почему вы так ругаетесь? Неужели вам самому приятно?»

Матрос: «А я, товарищ, не ругаюсь, – это у меня поговорка такая». Солдаты грохочут. Я, созерцательно: «Плохая поговорка» [Цветаева – эл. ресурс, с. 5].

И тут же М. Цветаевой приводятся слова ее маленькой дочки, совсем из другого мира, уже оболганного, ошельмованного, оплевываемого и затоптанного солдатскими сапогами. Контрастно оттеняя воспитание и образование истребляемой страты людей и того нового, – много лучшего, разумеется, – класса, который приходит «на смену».

Молитва Али во время и с времен восстания:

«Спаси, Господи, и помилуй: Марину, Серезу, Ирину, Любу, Асю, Андрюшу, офицеров и не-офицеров, русских и не-русских, французских и не-французских, раненых и не-раненых, здоровых и не-здоровых. – всех знакомых и не-знакомых» [там же].

А здесь свидетельство того, кто и как работал в реквизиционном отряде, почему-то редко и мало кем вспоминаемая страница «великого октября». Глазами очевидцев. Сначала – посадка в вагон, народ и новые власти.

Москва, октябрь – ноябрь 1917

ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД

Дорога на станцию Усмань, Тамбовской губернии.

Посадка в Москве. В последнюю минуту – точно ad разверзся: лязг, визг. Я: «Что это?» Мужик, грубо: «Молчите! Молчите! Видно, еще не ездили!» Баба: «Помилуй нас. Господи!» Страх, как перед опричниками, весь вагон – как гроб. И, действительно, минутой спустя нас всех, несмотря на билеты и разрешения, выбрасывают. Оказывается, вагон понадобился красноармейцам. В последнюю секунду N, его друг, теща и я, благодаря моей командировке, все-таки попадаем обратно [там же].

И сами ревизирующие сознают, что занимаются чистым грабежом, но ведь прибыльно-то как и выгодно! М. Цветаева использует прием косвенного описания, приводя слова матери одного из реквизирующих, одновременно осуждающей сына и восхищающейся изобилием продуктов, награбленных-отнятых у крестьян.

Трагически начинаю уяснять себе, что едем мы на реквизиционный пункт и... почти что в роли реквизирующих. У тещи сын-красноармеец в реквизиционном отряде. Сулят всякие блага (до свиного сала включительно). Грозят всякими бедами (до смертоубийства включительно). Мужики озлоблены, бывает, что поджигают вагоны. Теща утешает:

– Уж три раза ездила, – Бог миловал. И белой пуда-ами! А что мужики злобятся – понятное дело... Кто же своему добру враг? Ведь грабят, грабят вчистую! Я и то уж своему Кольке говорю: «Да побойся ты Бога! Ты сам-то, хотя и не из дворянской семьи, а все ж и достаток был, и почтенность. Как же это так – человека по миру пускать? Ну, захватил такую великую власть – ничего не говорю – пользуйся, владей на здоровье! Такая уж твоя звезда счастливая. Потому что, барышня, у каждого своя планида...

Так я сыну-то: «Бери за полценны, чтоб и тебе не досадно, и ему не обидно. А то что ж это, вроде разбоя на большой дороге. Право! Оно, <...> барынька, понятно: парень молодой, время малюновое, когда и тешишься, коли не сейчас? Не возьмет он этого в толк, что в доск обирать – себя разорять! И корову доить – разум надо. Жми да не выжимай. Да-а... [Цветаева – эл. ресурс, с. 6].

Оборотная сторона «революции» во всей красе встает из слов этой простой русской женщины, прекрасно понимающей что, как, почему и для чего все происходит.

«А уж почет-то мне там у него на пункте – ей-Богу, что вдовствующей Императрице какой! Один того несет, другой того гребет. Колька-то мой с начальником отряда хорош, одно-классники, оба из реалки из четвертого классу вышли: Колька – в контору, а тот просто загулял. Товарищи, значит. А вот перемена-то эта сделалась, со дна всплыл, пузырьек вверх пошел. И Кольку моего к себе вытребовал. Сахару-то! Сала-то! Яиц! В молоке – только что не купаются! Четвертый раз езжу» [там же].

В разговорах, которые ведутся в вагоне, Марина Ивановна фиксирует в немногих словах и тему отношения солдат и некоторых офицеров к религии, иконам, Богу, показывая через ответы и реплики уровень компетенции высказывающихся.

Ночной спор о Боге. Ненависть солдат к иконам и любовь к Богу, – «Зачем доску целовать? Коли хочешь молиться, молись один!» Солдат – офицеру (типа бывшего лицеиста, пробор, картавит): «А Вы, товарищ, какой веры придерживаетесь?» Из темноты – ответ: «Я спирит социалистической партии» [там же].

Дневниковые записи пестрят колоритными описаниями приезда поезда, вербальными портретами действующих лиц, мизансценами обстоятельств, зарисовками индивидуальных особенностей языка, отражающих пореволюционную культуру вовлеченных в нее людей.

Станция Усмань. 12-й час ночи.

Приезд. Чайная. Ломящиеся столы. Наганы, пулеметные ленты, сплошная кожаная упряжь. Веселы, угощают. Мы, чест-

вуемые, все без сапог, – идя со станции чуть не потонули. Для тещи, впрочем, нашлись хозяйкины полусапожки.

Хозяйки: две ехидных перепуганных старухи. Раболепство и ненависть. Одна из них – мне: «Вы что же – ихняя знакомка будете?» (Подмигивая на тещина сына). Сын: чичиковское лицо, васильковые свиные прорези глаз. Кожу под волосами чувствуешь ярко-розовой. Смесь голландского сыра и ветчины. С матерью нагло-церемонен: «Мамаша»... «Вы» – и: «Ну вас совсем – ко всем!»... Я, слава Богу, незаметна. Теща, представляя, смутно оговорила: «с их родными еще в прежние времена знакомство водила»... (Оказывается, она лет пятнадцать назад шла на жёну моего дяди. «Собственная мастерская была... Четырех мастериц держала... Все честь честью... Да вот – муж подкузьмил: умер!»). Словом, меня нет, – я: при...

Напившись-наевшись, наши два спутника, вместе с другими, уходят спать в вагон. Мы с тещей (тещей она приходится приятелю N, собственно и сбившего меня на эту поездку) – мы с тещей укладываемся на полу: она на хозяйкиных подушках и перинах, я просто [Цветаева – эл. ресурс, с. 6].

<...>

Просыпаюсь от сильного удара. Голос свахи: «Что такое?» – Второй сапог. – Вскакиваю. Полная тьма. Все усиливающийся топот ног, хохот, ругань. Звонкий голос из темноты: «Не беспокойтесь, мамаша, это реквизиционный отряд с обыском пришел!» Чирканье спички. Крики, плач, звон золота, простоволосые старухи, вспоротые перины, штыки... Рыцуют всюду.

– Да за иконами-то хорошенько! За святыми-то! Боги золото тоже любят-то!

– Да мы... Да нешто у нас... Сынок! Отец! Отцом будь!

– Молчать, старая стерва!

Пляшет огарок. Огромные – на стене – тени красноармейцев.

Оказывается, хозяйки чайной давно были на примете. Сын только ждал приезда матери: нечто вроде маневров флота или парада войск в честь Вдовствующей Императрицы.

Обыск длится до свету: который раз ни просыпаюсь – все то же. Утром, садясь за чай, трезвая мысль: «А могут отра-

вить. Очень просто. Подсыплют чего-нибудь в чай, и дело с концом. Что им терять?..

А расстреляют – все равно помирать!» И, окончательно убедившись, пью. В то же утро съезжаем. Мысль эта пришла не мне одной [Цветаева – эл. ресурс, с. 7].

Еще портреты героев и действующих лиц «революции»: сначала – неопределенно-лично, но явно указывая национальность и социальную принадлежность, словно показывая и другие страты участников преступления, а затем – конкретно и поименно, руководителей и исполнителей происходящего геноцида страны и его народа.

Опричники: еврей со слитком золота на шее, еврей – семьянин («если есть Бог, он мне не мешает, если нет – тоже не мешает»), «грузин» с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гривенник зарежет мать...

Мои два спутника уехали в бывшее имение кн. Вяземского: пруды, сады... (Знаменитая, по зверскости, расправа).

Уехали – не взяли. Остаюсь одна с тещей и с собственной душой. Не помогут ни та, ни другая. Первая уже остывает ко мне, вторая (во мне) уже закипает.

С чайником за кипятком на станцию. Двенадцатилетний, одного из реквизирующих офицеров, «адъютант». Круглое лицо, голубые дерзкие глаза, на белых, бараном, кудрях – лихо заломленная фуражка. Смесь амура и хама.

Хозяйка (жена того опричника со слитком) – маленькая (мизгирь!) наичернющая евреечка, «обожаящая» золотые вещи и шелковые материи.

– Это у вас платиновые кольца?

– Нет, серебряные.

– Так зачем же вы носите?

– Люблю.

– А золотых у вас нет?

– Нет, есть, но я вообще не люблю золота: грубо, явно...

Ах, что вы говорите! Золото, это ведь самый благородный металл. Всякая война, мне Иося говорил, ведется из-за золота. (Я, мысленно: «Как и всякая революция!») [там же].

Замечание, закавыченное в скобках, красноречиво показывает, что М. Цветаева видела и знает о происходящем гораздо больше, чем может и хочет записать как очевидец. Но и зафиксированного ею достаточно. Золото для всех этих «бессребреников», «чистейших и честнейших рыцарей революции», кажется, как-то особенно, мистически притягательно, видно желание забрать его и присвоить себе любой ценой и у всех.

– *А позвольте узнать, ваши золотые вещи с вами? Может быть, уступите что-нибудь? О, вы не волнуйтесь, я Иосе не передам, это будет маленькое женское дело между нами! Наш маленький секрет! (Блудливо хихикает).* – Мы могли бы устроить в некотором роде *Austausch*.

(Понижая голос): – *Ведь у меня хорошенькие запасы... Я Иосе тоже не всегда говорю!.. Если вам нужно свиное сало, например, – можно свиное сало, если совсем белую муку – можно совсем белую муку.*

Я, робко: – Но у меня ничего с собой нет. Две пустых корзинки для пшени... И десять аршин розового ситю... Она, почти дерзко: – А где же вы свои золотые вещи оставили? Разве можно золотые вещи оставлять, а самой уезжать?..

Я, раздельно: – Я не только золотые вещи оставила, но... детей! [там же].

<...>

Она, рассмешенная:

– *Ах! Ав! Ав! Какая вы забавная! Да разве дети, это такой товар? Все теперь своих детей оставляют, пристраивают. Какие же дети, когда кушать нечего? (Сентенциозно): – Для детей есть приюты. Дети, это собственность нашей социалистической Коммуны... (Я, мысленно: «Как и наши золотые кольца»...) [там же].*

Логика проста и прямолинейна, легко прочитывается М. Цветаевой: сейчас и ваши дети, и ваши золотые кольца – «это собственность нашей социалистической Коммуны», а поскольку мы ее представляем, олицетворяем, ее возглавляем, ею руководим,

от ее имени действуем, то – наши, мои и Иоси; пока золото у нас – оно и у Коммуны, разницы никакой. По факту происходящего.

Убедившись в моей золотой несостоятельности, захлебываясь, рассказывает. Раньше – владелица трикотажной мастерской в «Петрограде».

– Ах, у нас была квартирка! Конфетка, а не квартирка! Три комнаты и кухня, и еще чуланчик для прислуги. Я никогда не позволяла служанке спать в кухне, – это нечистоплотно, могут волосы упасть в кастрюлю. Одна комнатка была спальня, другая столовая, а третья, небесного цвета – приемная. У меня ведь были очень важные заказчицы, я весь лучший Петроград своими жакетками одевала... О, мы очень хорошо зарабатывали, каждое воскресенье принимали гостей: и вино, и лучшие продукты, и цветы... У Иоси был целый курильный прибор: такой столик филигранной работы, кавказский, со всякими трубками, и штучками, и пепельницами, и спичечницами... По случаю у одного фабриканта купили... И в карты у нас играли, уверяю вас, на совсем не шуточные суммы...

И все это пришлось оставить: обстановку мы распродали, кое-что припрятали... Конечно, Иося прав, народ не может больше томиться в оковах буржуазии, но все-таки, имев такую квартиру... [Цветаева – эл. ресурс, с. 8].

То есть и в революцию они пошли не из-за бедности и нищеты, а, если называть вещи своими именами, жадности, зоологической жадности, желания разбогатеть еще больше, иметь золото слитками (и как знак-символ, – «само так получилось»), один такой даже на шею себе повесил: кого ему бояться?!). Да, вот они, эти – наверное, еще и «лучшие из лучших»: кристально чистые и бескорыстно преданные «делу рабочего класса и крестьянства», когда ни о какой меркантильности, тем более личной заинтересованности и думать нельзя, – кощунственно! – Не то, что говорить, etc., etc., etc., – здесь одни «новые святые» Революции. Что же говорить о ее «рядовых»?..

Тем более что один раз, однажды и случайно поехала М. Цветаева – и какое дикое совпадение! – тут совершенно нетипичная, особая ситуация, прямо-таки – невозможная! Или, напротив, может быть, самая обыкновенная и на каждом шагу встре-

чавшаяся и встречающаяся? Как-то не очень верится в сплошные случайности да совпадения. Вот бытовые сцены тех дней, будто выточенные из кости, а созданы несколькими точными словами.

Мытье пола у хамки.

– *Еще лужу подотрите! Повесьте шляпку! Да вы не так! По половикам надо! Разве в Москве у вас другая манера? А я, знаете, совсем не могу мыть пола, – знаете: поясница болит! Вы наверное с детства привыкли?*

Молча глотаю слезы.

Вечером из-под меня выдергивают стул, ем свои два яйца без хлеба (на реквизиционном пункте, в Тамбовской губернии!)

Пишу при луне (черная тень от карандаша и руки). Вокруг луны огромный круг. Пыхтит паровоз. Ветви. Ветер.

Теща: бывшая портниха, разудалая речистая замоскворецкая сваха («муж подкузьмил – умер!»). Хам, коммунист с золотым слитком на шее; мещанка-евреечка, бывшая владелица трикотажной мастерской; шайка воров в черкесках; подозрительные угрюмые мужики, чужой хлеб (продавать здесь на деньги – не хватит и коммунистической совести!)

Всячески пария: для хамки – «бедная» (грошовые чулки, нет бриллиантов), для хама – «буржуйка», для тещи – «бывшие люди», для красноармейцев – гордая стриженная барышня.

«Господи! Убить того до смерти – у кого есть сахар и сало!» (Местная поговорка).

«Не было смирнее нашего города!» (Рассказ мужика по дороге в Усмань. – Не о всей ли России?)

Сегодня опричники для топки сломали телеграфный столб [Цветаева – эл. ресурс, с. 9–10].

Что им инфраструктура страны, высокие для того времени технологии, системы коммуникации, связывающие учреждения государства и граждан... Главное: себя погреть, накормить, обогатить, а как и за чей счет, – об этом уже тогда мало думали, создавая прецеденты и формируя примеры, становящиеся со временем матрицами регулярных разрушительных действий. А о рабсиле позже и вообще перестали заботиться. И опять беспощадно точно М. Цветаева пишет о главном, ради чего – все. Все, что за паузой, возле сердца: для них и тех, кто с ними, против всей страны и ее

народа. И таким у них – золото. Гениальная поэтесса показывает это и мизансценами, и прямо называя словами не раз и не два.

Хозяйка за чем-то наклоняется. Из-за пазухи выпадает стопка золота, золотые со звоном раскатываются по комнате. Присутствующие, было – опустив, быстро отводят глаза.

С утра – на разбой. – «Ты, жена, сиди дома, вари кашу, а я к ней маслица привезу!...» – Как в сказке. – Часа в четыре сходятся. У наших Капланов нечто вроде столовой. (Хозяйка: «И им удобно, и нам с Иосей полезно». «Продукты» – вольные, обеды – платные.) Вина что-то незаметно. Сало, золото, сукно, сукно, сало, золото. Приходят усталые: красные, бледные, потные, злые. Мы с хозяйкой мигом бросаемся накрывать. Суп с петухом, каша, блины, ячница. Едят сначала молча. Под лаской сала и масла лбы разглаживаются, глаза увлажняются. После грабежа – дележ: впечатлениями. (Вещественный дележ производится на месте.) Купцы, попы, деревенские кулаки... У того столько-то холста... У того кадушка топленого... У того царскими тысячу... А иной раз – просто петуха... [Цветаева – эл. ресурс, с. 10].

Ничем и никем не безговали, настоящие коммунисты-большевики ленинского призыва, троцкого закала. Хотя при этом сами грабители полностью сознавали, что отнимая у крестьян последний куль муки, спрятанный для членов своей – часто тогда еще многочисленной семьи, – они обрекают их на голод и смерть, в первую очередь самых слабых: детей, женщин, стариков, но это выражалось лишь в сарказмах, словах фальшивого сочувствия, ухмылки. Им было смешно видеть слезы.

Рузман (семьянин) добродушен. Обнаруживая какой-нибудь запретный (запрятанный) плод, вроде куля муки, сам первый сочувствует:

– Ай-ай-ай! И семейство большое! Нельзя же, в самом деле, семь собственных детей, жену, бабушку и дедушку одним чистым воздухом питать!

Есть в нем и ценитель: так, хитро-скрытое и долго-сопротивлявшееся вызывает в нем любованье.

– Такой плут этот Микишкин, такой плут! Ему бы только ликвидацией банков заведовать! И куда он это, вы думаете, он свои николаевские забальзамировал?!

Полегонечку (восьмой день!) вхожу, вживаюсь, уже делу (лирически!) триумфы и беды, уже хозяйка, обеспокоенная долгим отсутствием мужа – мне: «Что же это наши Иося нам изменяет?»

Я по самой середине сказки, mitten drinnen.

Разбойник, разбойникова жена – и я, разбойниковой жены – служанка. Конечно, может статья – выхвачу топор... А скорей всего, благополучно растряса свои 18 фунтов пшена по 80-ти заградительным отрядам, весело ворвусь в свою борисоглебскую кухню и тут же – без отдыши – выдышусь стихом! [там же].

Такая работа у большевика была: народ грабить, с собой зовут – выгоду обещают под честное слово:

Зовут на реквизицию. (Так герцоги, в былые времена, приглашали на охоту!)

– Бросьте вы свои спички!.. (Сколько у вас осталось коробочек? Как – целых три даром отдали? Ах, ах, ах, какая непрактичная!) Едьте с нами, без спичек целый вагон муки привезете. Вам своими руками ничего делать не придется – даю вам честное слово коммуниста: даже самым маленьким пальчиком не пошевелите! И хозяйка, ревниво (не ко мне, конечно, а к мыслимым «продуктам»).

– Ах, Иося, разве это возможно! Кто же мне завтра посуду будет мыть, когда я на базар пойду за дрожжами!

(Единственный, в этой семье, покупной «продукт») [там же].

Ограничение свободы: личной и гражданских, политических и экономических у завоеванных и грабимых, уже тогда чувствовалось и шло семимильными шагами, превращая вчерашних свободных людей, привыкших еще недавно прямо выражать свои мысли и мнения, – в сегодняшних рабов, которым бандиты с партбилетами уже тогда начинали затыкать рты, что затем выродится не только в физическое, но и в духовное рабство всей страны, куда хуже античного.

Сколько перемытой посуды и уже дважды вымытый пол! Чувство, что я определенно обращена в рабство. Негодная теща, в тон хозяйке, третирует. От моих вероломных Тезеев (хорош – Наксос!) вот уже вторая неделя – ни слуху, ни духу. У меня пока: 18 фунтов пшени, 10 фунтов муки, 3 фунта свиного сала, янтарь и три куклы для Али. Грозят заградительными отрядами [Цветаева – эл. ресурс, с. 10].

Да, для таких, как М. Цветаева, – еще и заградотряды, другое название для «реквизиционных», откровенно разбойно-грабительских: отнять и выменянное, добываемое для детей.

Искреннее слово и через 70 лет этой власти будет тяжело переносить, но срывались и тогда, чувствуя свою безнаказанность, вооруженность перед разоруженными, выставляя наглость малограмотного хама перед вежливостью образованных и умных людей.

Разрываюсь от смеха и гнева. Вечер проходил как всегда. Входили, выходили, пошучивали, покуривали, обдумывали заграничные набег, подытоживали нынешние. Словом: мир. И вдруг: гром: Бог! Кто начал – не помню. Помню только свой голос:

*– Господа, если его нет – за что же вы его так ненавидите?
– А кто вам сказал, что мы Господа Бога ненавидим?
– Или вы его слишком любите: вы неустанно о нем говорите.
– Говорим, потому, что многие в эти пустяки еще верят.
– Я первая! Дурой родилась, дурой помру. (Это теща провалилась).*

Левит, снисходительно:

– Вы, мадам, это вполне объяснимое явление, все наши мамы и папы веровали, но вот (пожатие плечей в мою сторону)... что товарищ в таком молодом возрасте и еще имея возможность пользоваться всеми культурными благами столицы...

Теща:

– Ну что ж, что из столицы? Вы думаете, у нас в Москве все нехристи, что ль? Да у нас в Москве церковью одних сорок сороков, да монастырей, да...

Левит:

– Это пережитки буржуазного строя. Ваши колокола мы перельем на памятники.

Я: – Марксу.

Острый взгляд: – Вот именно.

Я: – И убиенному Урицкому. Я, кстати, знала его убийцу.
(Подскок, – Выдерживаю паузу).

...Как же, – вместе в песок играли: Каннегиссер Леонид.
– Поздравляю вас, товарищ, с такими играми!

Я, досказывая: – Еврей.

Левит, вскипая: – Ну, это к делу не относится!

Теща, не поняв: – Кого жиды убили?

Я: – Урицкого, начальника петербургской Чрезвычайки.

Теща: – И-ишь. А что, он тоже из жидов был?

Я: – Еврей. Из хорошей семьи.

Теща: – Ну, значит свои повздорили. Впрочем, это между жидами редкость, у них это, наоборот, один другого покрывает, кум обжегся – сват дует, ей-Богу!

Левит, ко мне: – Ну и что же, товарищ, дальше?

Я: – А дальше покушение на Ленина. Также еврейка (обращаясь к хозяину, любезно). – Ваша однофамилица: Каплан.

Левит, перехватывая ответ Каплана: – И что же вы этим хотите доказать?

Я: – Что евреи, как русские, разные бывают.

Левит, вскакивая: – Я, товарищ, не понимаю: или я не своими ушами слышу, или ваш язык не то произносит. Вы сейчас находитесь на реквизиционном пункте, станция Усмань, у действительного члена Р.К. П., товарища Каплана.

Я: – Под портретом Маркса...

Левит: – И тем не менее вы...

Я: – И тем не менее я. Отчего же не обменяться мнениями?

Кто-то из солдат: – А это правильно товарищ говорит. Какая ж свобода слова, если ты и икнуть по-своему не смеешь! И ничего товарищ особенного не заявлял: только, что жид жиды уложил, это мы и без того знаем.

Левит: – Товарищ Кузнецов, прошу вас взять свое оскорбление обратно!

Кузнецов: – Какое такое оскорбление?

Левит: – Вы изволили выразиться про идейную жертву – жид?!!

Кузнецов: – Да вы, товарищ, потише, я сам член Коммунистической партии, а что я жид сказал – у меня привычка такая!

Теща – Левиту: – Да что ж это вы, голубчик, всхорохорились? Подумаешь – «жид». Да у нас вся Москва жидом выражается, – и никакие ваши декреты запретные не помогут! Потому и жид, что Христа распял!

– Хрисс – та – а?!!

Как хлыст полоснул. Как хлыстом полоснул. Как хлыстом полоснули. Всакивает. Ноздри горбатого носа пляшут.

– Так вы вот каких убеждений. Мадам? Так вы вот за какими продуктами по губерниям ездите – Это и к вам, товарищ, относится! – Пропаганду вести? Погромы подстраивать? Советскую власть раскачивать? Да я вас!.. Да я вас в одну сотую долю секунды... [Цветаева – эл. ресурс, с. 11].

<...>

– И не испугалась! А сын-то у меня на что ж? Самый что ни на есть большевик, почище вас будет. Ишь – расходился! Вот только змеем шипеть! Пятьдесят лет живу, – такого страма...

Хозяйка: – Мадам! Мадам! Успокойтесь! Товарищ Левит пошутил, товарищ всегда так шутит! Да вы сами посудите... [там же]

Прозрение наступало уже тогда, когда еще было кому сравнивать еще недавно бывшее, – и новое, только появлявшееся – и какое, насколько страшное! Когда «в одну сотую долю секунды» за непонравившееся свободно высказанное мнение вам тут же и суд и скорая расправа от непрячущегося бандита: «к стенке и шлепнуть».

Сваха, отмахиваясь: – И судить не хочу, и шутить не хочу. Надоела мне ваша новая жизнь! Был Николаша – были у нас хлеб да каша («Пришли большевики – Не стало ни хлеба, ни муки», – московская поговорка 18 г. – примеч. М. Цветаевой), а теперь за кашей за этой – прости Господи! – как пес язык высуня 30 верст по грязи отмахиваем...

Кто-то из солдат: – Николаша да каша? Эх вы, мамаша!.. А не пора ли нам ребята, по домам? Завтра чем свет в Ипатьовку надо.

Вернулись N и зять. Привезли муки, веселые. И на мою долю полтуда. Завтра едем. Едем, если сядем [Цветаева – эл. ресурс, с. 12].

А вот мнение другого участника революции, русского человека. Цветаевой интересно знать о нем все: и кто он, и что, его образование, знания, круг чтения, какая семья, как дошел до такой жизни, стал таким как Стенька Разин (или без «как», для того времени и условий) и т.д. С таким она и пошутить не прочь.

Стенька Разин. Два Георгия. Лицо круглое, лукавое, веснушчатое: Есенин, но без мелкости. Только что, вместе с другими молодцами, вернулся с реквизиции. Вижу его в первый раз [Цветаева – эл. ресурс, с. 12].

Говорим что-то о церквах, о монастырях.

– Вы вот, товарищ, обижаетесь, когда на попов ругаются, монашескую жизнь восхваляете. Я против того ничего не говорю: не можешь с людьми – иди в леса. На миру души не спасешь, сорок сороков чужих загубишь. Только, по совести, разве в попы да в монахи затем идут? За брюхом своим идут, за жизнью сладкой. Вроде как мы, к примеру, на реквизицию, – ей-Богу!

– А в Библии, помните? Из-за одного праведника Содом спасу? Или не читали?

– Да сам, признаться, не читал, – все больше я в младости голубей гонял, с ребятами озоровал. А вот отец у меня – великий церковник. (Вдохновляясь): Где эту самую Библию ни открой – так тебе десять страниц подряд слепыми глазами и шпарит...

Был хорошим солдатом, пока «товарищи» не приобжили к «делу революции», не дали банк пограбить. Но и сейчас еще носит ордена, чувствует и ценит поэзию:

Два Георгия, спас знамя.

– Что вы чувствовали, когда спасали знамя?

– А ничего не чувствовал! Есть знамя – есть полк, нет знамени – нет полка!

Купил с аукциона дом в Климачах за 400 рублей. Грабил банк в Одессе, – «полные карманы золота!» Служил в полку Наследника.

– Выходит он из вагона: худенький, хорошенький, и жалобным таким голоском: «А куда мне сейчас можно будет пойти?» – «Вас автомобиль ждет. Ваше высочество». Многие солдаты плакали [Цветаева – эл. ресурс, с. 13].

И опять: вагон, поезда – заградотряды, оказывается, не страшны, для Каплана – они свои. И междоусобица между самими

большевиками, – явно, за что: за власть, дающую «право» на еще большую безнаказанность грабить и убивать, за золото и продукты – ведь здесь же «главный» ссыпной пункт! – вот и пишут друг на друга доносы, инициируя кровавую круговерть расстрелов, убивающих свидетелей:

Завтра едем. Едем, если сядем. Грозят заградительными отрядами. Впрочем, Каплан (из уважения к теще) обещает дать знать по путям, что едут свои.

Утреннее посещение N (ночевал в вагоне).

– Марина Ивановна, сматывайтесь – и айда! Что вы здесь с тещей натворили? Этот, в красной черкеске, в бешенстве! Полночи его работал. Наврал, что вы и с Лениным и с Троцким, что вы им всем очки втирали, что вы тайно командированы, черт знает чего наплел! Да иначе не вывез бы! Контрреволюция, орет, юдофобство, в одной люльке с убийцами Урицкого, орет, качалась! Это теща, говорю, качалась (тещу-то Колька вывезет!). Обе, обе, орет, – одного поля ягодки! Ну потом, когда я и про Троцкого и про Ленина, немножечко осел. А Каплан мне – так уж безо всяких: – «Убирайтесь сегодня же, наши посадят. За завтрашний день не ручаюсь». – Такие дела!

А еще знаете, другое удовольствие: ночью проснулся – разговор. Черт этот – еще с каким-то. Крестьяне поезд взорвать хотят, слежка идет... Три деревни точно... Ну и гнездо, Марина Ивановна! Да ведь это ж – Хитровка! Я волосы на себе рву, что вас здесь с ними одну оставил! Вы же ничего не понимаете: они все будут расстреляны!

Я: – Повешены. У меня даже в книжке записано.

Он: – И не повешены, а расстреляны. Советскими же. Тут ревизию ждуют. Левит на Каплана донес, а на Левита – Каплан донес. И вот, кто кого. Такая пойдет разборка! Ведь здесь главный ссыпной пункт – понимаете?

...И, ради Бога, ни одного слова лишнего! Мы уж с Колькой тещу за сумасшедшую выдали. Задаром пропадем! [Цветаева – эл. ресурс, с. 15].

Дальше то, что можно определить как описание кровавого балагана хаоса, в который ввергнута страна и люди, где все мешается со всем: правда с вымыслом, люди и вещи, железный порядок

штыков и произвол импровизации еще живых людей, жизнь и нависающая над всеми смерть.

Сматываюсь. Две корзинки: одна кроткая, круглая, другая квадратная, злостная, с железными углами и железкой сверху. В первую – сало, пишено, кукол (янтарь, как надела, так не сняла), в квадратную – полпуда N и свои 10 фунтов. В общем, около 2 пудов. Беру на вес – вытяну!

Хозяйка, поняв, что уезжаю, льнет; я, поняв, что уезжаю, наглею.

– Все товарищ, товарищ, но есть же у человека все-таки свое собственное имя. Вы, может быть, скажете мне, как вас зовут?

– Циперович, Мальвина Ивановна.

(Из всей троичности уцелел один Иван, но Иван не выдаст!)

– Представьте себе, никак не могла ожидать. Очень, очень приятно.

– Это моего гражданского мужа фамилия, он актер во всех московских театрах.

– Ах, и в опере?

– Да, еще бы: бас. Первый после Шаляпина (Подумав):

...Но он и тенором может.

– Ах, скажите! Так что, если мы с Иосей в Москву приедем...

– Ах, пожалуйста, – во все театры! В неограниченном количестве! Он и в Кремле поет.

– В Крем...?!

– Да, да, на всех кремлевских раутах. («Интимно»): Потому что, знаете, люди везде люди. Хочется же поразвлечься после трудов. Все эти расправы и расстрелы...

Она: – Ах, разумеется! Кто же обвинит? Человек – не жертва, надо же и для себя... И скажите, много ваш супруг зарабатывает? [Цветаева – эл. ресурс, с. 16].

Москва, сентябрь, 1918

Заключение

Как представляется, сделанные Мариной Ивановной наблюдения очевидно показывают преступный характер вооруженного

переворота в России, произведенного большевиками, которые и после захвата власти продолжали проводить грабительскую политику в стране, под видом реквизиций вооруженной силой отнимая у людей жизненно необходимые им продовольственные припасы, продукты животноводства и накопленные за время предшествующей сытой и мирной жизни ценности, прежде всего золото. Одновременно велась агрессивная атеистическая пропаганда, преследование служителей культа, в числе которых был репрессирован (1933) и расстрелян (1937) по приговору «тройки» «русский Леонардо да Винчи», философ и ученый аполитичнейший Павел Александрович Флоренский, все преступление которого заключалось, по видимому, в том, что он осмеливался ходить в священнической рясе по улицам Петрограда и выступать в ней на собраниях в официальных учреждениях, как нам, студентам-философам ЛГУ им. А.А. Жданова, еще в 70-х годах прошлого века с неподдельным негодованием рассказывал на своих занятиях известный преподаватель «научного атеизма». Резко начинала ограничиваться свобода слова, ставшая уже привычной для граждан исторической России, а традиционные для страны и ее людей нормы жизни подменялись совершенно чуждыми и однозначно оцененными гражданами как преступные.

Новые властители судеб и жизней людей подбирались и вербовались из худших представителей всех национальных групп бывшей империи («Опричники: еврей со слитком золота на шее, <...> «грузин» с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гривенник зарежет мать... Мои два спутника уехали в бывшее имение кн. Вяземского: пруды, сады... Знаменитая, по зверскости, расправа»), из бывших солдат и матросов, которых дополнительно связывало участие в общих преступлениях новой власти и преступный дележ отнятой у беззащитных граждан «добычи».

Насилие и террор против населения России были отличительной чертой радетелей «светлого будущего», которое они незамедлительно и создали для самих себя уже тогда через систему спецраспределителей, – они существовали все время для этих «слуг народа», ставших худшими тиранами в истории России.

Список литературы

Цветаева М.И. Дневниковая проза (страница 1 и дал.). – Режим доступа:
http://rulibrary.ru/tsvetaeva/dnevnikovaya_proza/1 (Дата обращения: 18.01.2018.)

References

Tsvetaeva M.I.: Dnevnikovaya proza (page 1 and fall.). – Mode of access:
http://rulibrary.ru/tsvetaeva/dnevnikovaya_proza/1.